

УДК 327 (47)
ББК 66.4 (2Р) 1
Ж 15
З.А. Жаде

Этнонациональная геополитическая идентичность: к постановке проблемы

Аннотация:

Анализ ситуации с формированием новых представлений о себе, о своем месте в современном мире показывает, что проблема этнонациональной геополитической идентичности продолжает оставаться наиболее значимой в постсоветской России. Интенсивные социально-политические и экономические трансформации в стране породили новую этнополитическую и социально-психологическую реальность. Произошли изменения этнополитических статусов этнических групп в республиках России, происходят процессы поиска новой идентификации у представителей титульных этносов, рост этнических миграций, процессы формирования общегражданской идентичности, процессы изменения ценностной структуры этнонациональной геополитической идентичности.

Ключевые слова:

Геополитика, идентичность, глобализация, этничность, этнонациональная геополитическая идентичность, геополитическое мировидение, геополитическое мироощущение, геополитическое мироустройство.

Современное российское общество характеризуется значительными изменениями в смене идентичностей, и этническая идентичность, наравне с другими, выходит на первый план. По мнению российского ученого М.Н. Губогло, «ни одна из форм идентичностей не приковывала к себе такого внимания, как этническая. В начале XXI века вновь, как и век или полтора века тому назад, этническая идентичность заняла едва ли не центральное место в спорах между славянофилами и западниками, а в нынешней терминологии – между примордиалистами и конструктивистами» (1).

Категория «идентичность» обладает значительным методологическим потенциалом для научного анализа российского общества, переживающего период социальных трансформаций и кризисов, период «кризиса и смены идентичностей». Постиндустриальная эпоха привела к перестройке своих основных принципов, меняются индустриальные универсалии, на смену стандартизации приходит многообразие и плюрализм, что порождает новые соотношения этнических элементов, идет процесс децентрализации структурных связей, который ведет к построению новых связей и нового поля духовных принципов. Поворот к «многомерному человеку» – новому типу человека эпохи новых культурных изменений – становится основанием для порождения новых форм идентичностей. Важным методологическим ориентиром в анализе данного феномена являются труды отечественных ученых (2).

При анализе данной проблемы мы согласны с мнением Л.М. Дробижевой о том, что этническая идентичность базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. А российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности (3).

Понятие «идентичность» фиксирует важный элемент того, что в социологии знания называется субъективной

реальностью, – социально детерминированные представления индивидов о своем «я», складывающиеся в результате соотнесения с некоторыми «мы» (осуществляемого как самими индивидами, так и их окружением). В современном политическом процессе идентичность играет все более ощутимую роль в качестве фактора мобилизации и ориентации, в том числе и в силу того, что в условиях усложнения социальной структуры новые политические идеологии стремятся артикулировать не столько «интересы», сколько «идентичности» (4). Вместе с тем, наблюдаются две взаимосвязанные, хотя и противоположно направленные тенденции: широкое распространение понятия «идентичность» в публичной риторике и попытки его деконструкции в научном дискурсе, направленные на преодоление представлений о целостной, аутентичной и неизменной идентичности. В этой связи возникает целый ряд методологических и практических вопросов, связанных с изучением соответствующих аспектов политики, в том числе и специфики геополитической идентичности.

Геополитическая идентичность в числе других идентичностей (этническая, гражданская, конфессиональная, семейная, политическая, профессиональная, гендерная и др.) в большинстве случаев в стабильной социально-политической ситуации не является доминирующей. Как отмечают исследователи, геополитическая категория продолжает оставаться актуальной на сегодняшний день (5).

В данной статье автор представляет некоторые результаты исследования по этнонациональной геополитической идентичности.

Одна из граней геополитического процесса связана с геополитическим мироощущением. В рамках настоящего исследования мы резервируем данный термин для обозначения осмысления своего места и своей роли и миссии теми народами, на которых осуществляется активное воздействие основных «игроков» геополитического процесса. В содержание понятия

«геополитическое мироощущение» мы вкладываем те характеристики социокультурной и самобытно-исторической субъектности, которые связаны с этничностью, национальным менталитетом, этнонациональной идентичностью, которые являются основными факторами геополитического мироощущения. Это аффективный уровень геополитического процесса.

По нашему представлению, геополитическое мироощущение (б) адекватно геополитическому мироустройству тогда и только тогда, когда на уровне геополитического мироощущения народы являются не «пешками» в большой геополитической игре, а полноценными субъектами геополитического процесса. В противном случае, какими бы мощными не были векторы силы в геополитическом мироустройстве, какими бы изощренными не были геополитические доктрины в геополитическом мировидении, вся конструкция искусственно поделенного мира будет в конце концов разрушена. Крах мировых империй, которые казались вечными и незыблемыми, являются примерами этого процесса.

Как уже отмечено, геополитическое прогнозирование и геостратегические сценарии не могут не учитывать кроме геополитического мироустройства и геополитического мировидения такую составляющую современного геополитического процесса как геополитическое мироощущение.

Этот комплекс в определенной степени рационален, как должна быть рациональна совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира политики и властных отношений, места в нем человека и даже социально-политической адаптации, что выражается в жизненных позициях, программах поведения, действий людей и народов. Данный уровень геополитического мироощущения представлен мировоззренческой компонентой, как необходимой составляющей человеческого сознания. Это не просто один из его элементов в ряду многих других, а их сложное взаимодействие. Разнородные «блоки» знаний, убеждений, мыслей, чувств, настроений, стремлений, надежд, соединяясь в мировоззрении, образуют более или менее целостное понимание людьми мира в пространстве политики и самих себя в этом мире. На уровне мировоззренческой геополитической компоненты обобщенно представлены познавательная, ценностная, поведенческая сферы в их взаимосвязи и она наиболее адекватно корреспондирует с геополитическим мировидением.

Однако реально убеждения, нормы жизни, идеалы формируются в опыте, сознании конкретных людей, живущих на конкретной территории, в условиях исторически сложившейся государственности. И в этом комплексе условий важной компонентой, характеризующей место человека в мире, является мироориентация. Это исторически сложившаяся, традиционная, связанная с исторической национальной памятью установка и социокультурная ценностная ориентация, социально-политическая адаптация людей и народов, объясняющая место отдельных людей и целых народов в геополитическом мироустройстве, в векторах глобальных геополитических процессов.

Геополитическое мироощущение – сложный комплекс мировоззрения и мироориентации, национального общественного мнения и национального самосознания, исторической памяти и менталитета, поведенческого мировоззрения и этнонациональных образов, сложившихся национальных стереотипов и объединительных идей этнонациональной солидарности и этнонациональной идентичности. В сочетании с волевыми факторами они составляют основу жизни, поведения, действия личностей, общественных групп, наций, народов, а в пределе – всего мирового сообщества.

Указанные параметры геополитического процесса проявляются, в частности, в том, что усиливается взаимосвязь между общественным мнением государства и внешней политикой, проводимой этим государством. Общественное мнение во все большей степени влияет на внешнюю политику государств. Ранее внешнеполитическая деятельность государства ни коим образом не зависела от позиции рядовых граждан, в настоящее время, внешнеполитические акты и одобрение или осуждение их в общественном мнении – взаимовязанные компоненты геополитического процесса.

Массовые представления о геополитической картине мира, своеобразные геополитические коды являются устойчивыми внутри и внешнеполитическими ориентациями, независимыми от политической конъюнктуры в пределах длительного исторического периода (мирового геополитического порядка). Картина мира, складывающаяся в массовых представлениях в целом и отдельных социальных групп в частности, выражающаяся в геополитическом мироощущении, как правило, существенно отличается от сложившегося геополитического мироустройства и почти никогда не совпадает полностью с геополитическим мировидением.

Это, прежде всего, связано с тем, что геополитическое пространство не только в сознании рядовых граждан, но и профессиональных политиков обычно состоит из сформированных коллективным и индивидуальным опытом символов и мифов. А с учетом того, что, к примеру, этнонациональное геополитическое мироощущение включает в себя комплекс этнических стереотипов и установок, формы этнической солидарности мобилизации, этнические геополитические образы и геополитические «этнотравмы», способы конструирования этнонациональной идентичности и установления границ этничности, то разрыв между реальностью субъектов геополитического процесса и реальностью тех, кому навязана объектная составляющая данного процесса, является существенным.

К тому же, современные геополитические представления любого «среднего» россиянина, как и жителя многих других стран – в основном продукт средств массовой информации (СМИ), прежде всего телевидения. Именно оно во все большей степени определяет легитимность мирового геополитического порядка в глазах избирателей. В наше время, когда унаследованные от прошлого политические традиции постепенно теряют почву, и общественное мнение повсеместно становится подверженным резким колебаниям.

Географический образ страны или региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с

определенными политико-, историко- или культурно-географическими территориями. Географический образ маркирует район, отсутствие образа – признак его слабой выраженности, неустойчивости или недостаточного уровня его ментальной освоенности индивидом.

Стержневой образ страны или региона, в свою очередь, вписывается в более широкую систему образов. Некоторые из них зарождаются в виде тесно взаимосвязанных пучков. Они имеют разный генезис и различный жизненный цикл. Можно выделять экзогенные факторы формирования образа, не связанные с соответствующей страной (регионом), и эндогенные, проистекающие из его характеристик и деятельности его институтов.

Историческая практика показывает, что географические образы можно целенаправленно формировать и культивировать. Задача состоит в том, чтобы построить в определенной последовательности логическую систему взаимодействующих образов. Географические образы выступают частью национальной (политической) и этнической идентичности.

Географические образы составляют основу того, что называют «низкой» геополитикой (7), включающей набор символов социальных представлений о месте страны в мире, ее внешнеполитической ориентации, потенциальных союзниках и главных соперниках. «Низкая» геополитика и основывающееся на ней геополитическое видение мира – необходимый элемент национальной (этнической) и политической (государственной) идентичности, инструмент национального и государственного строительства.

Российская идентичность или, точнее сказать, иерархическая «лестница» территориальных и этнонациональных идентичностей, носит ныне сложный, противоречивый и переходный характер. Она включает в себя в специфическом виде отношение к различным аспектам геополитического мироустройства, а также и в снятом виде определенные картины геополитического мировидения. На этом уровне геополитическое мировидение представляет собой не систему доктрин, теорий и идеологий, характеризующих геополитический процесс, а набор общественных представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, о национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и невыгодах определенной внешнеполитической стратегии. Геополитическое видение мира включает также представления о территории этнической группы или политической нации, ее границах, предпочтительных или неприемлемых моделях государственного устройства, своей исторической миссии и внешних или внутренних силах, благоприятствующих или препятствующих ее осуществлению, геополитических кодах.

Национальное геополитическое видение мира – продукт национальной истории и культуры, результат синтеза взглядов, исповедуемых различными слоями политической элиты, академическими экспертами, творческой интеллигенцией и общественным мнением в целом.

Иными словами, пространство – не нейтральная для человека категория. Национальные стереотипы

обязательно включают образы пространства: так, районы, относимые национальным сознанием к территории своего государства, как и страны, получают своего рода коды, а многие из них становятся национальными символами, как Косово для Сербии.

Анализ соотношения географических образов и идентичности, их места в геополитическом видении мира, степени ментальной освоенности пространства, его подразделения в сознании людей на культурно-цивилизационные, геополитические и иные макрорегионы, символической роли разных регионов имеет большое теоретическое и практическое значение.

Можно выделить эндогенные и экзогенные геополитические представления. Эндогенные представления генерируются внутри самой России и исходят из ее реалий. Идентичность любой страны обязательно включает представления о соседях и, вообще, о зарубежных странах, из которых, в свою очередь, возникают представления о признаках, отличающих «нас», объединенных принадлежностью к одной стране, общностью языка, истории, культуры, современных проблем и т.д., «им», жителям других стран. На основе противопоставления «мы» – «они» формируются исключительно важные в геополитическом отношении представления о национальной (государственной) территории и ее границы, которые вовсе не обязательно совпадают с признанными международным сообществом. Образы зарубежных стран – это до некоторой степени зеркало внутренних проблем, отражающее задачи государственного строительства, особенно актуальные для таких недавно образовавшихся в современных границах стран, как Россия. В такой же мере данное обстоятельство касается и эндогенных геополитических представлений на уровне этнонациональной идентичности.

Экзогенные геополитические представления формируются вне данного субъекта геополитического процесса, чаще всего – в соответствующих странах и включают исторические, природно-географические образы, воспоминания о национальных символах и культуре.

Анализ представлений о странах в целом подтверждает гипотезу Д.Замятина о существовании «стержневого» образа, вокруг которого формируются «лучки» второстепенных, вспомогательных представлений (8).

Анализ географических представлений показывает, что ввиду довольно четкого разделения и почти независимого существования эмоциональная и рациональная компонента различны. Эмоциональная компонента практически не транслируется в реальную политику и не может быть выражена в конкретных политических шагах. Рациональная компонента находит свое выражение в геополитическом мировидении и оказывает влияние на геополитическое мироустройство опосредованно: формированием общественного мнения, ценностных ориентиров, средств массовой информации, что, в конечном счете, оказывает свое воздействие на практический процесс геополитического мироустройства.

Разрыв между геополитическим мироустройством и геополитическим мировидением, с одной стороны, и между геополитическим мироощущением, с другой

стороны, а равно, как и зазор между рациональной и эмоциональной составляющими геополитического процесса увеличивается в условиях смены идеологии, ориентиров, изменения геополитического пространства и ролей главных «игроков» на этом поле, а также и политической роли самого географического пространства. Индикатором этих процессов является утрата субъектом геополитического процесса ярко очерченных целей, средств, «репертуаров» ролей, которые разыгрываются на данном географическом пространстве. Комплексно оценивая данный процесс, можно сказать, что это, прежде всего кризис идентичности.

Кризис идентичности – наиболее существенный признак кризиса социальной системы (9). Чаще всего этот кризис связан с кризисом национального мировоззрения, которое без мифов теряет свою жизнеспособность и превращается в очередной интеллектуальный проект «светлого будущего» или обывательскую мечту о собственном локальном благополучии. Забывание национальных мифов, рассечение их на отдельные «общечеловеческие» архетипические сюжеты, собственно, и составляет суть кризиса, в котором исчезают понятия «мы» и «они».

Вымывание из традиционного мировоззрения политики старых идеологических мифов делает геополитическое пространство свободным для разного рода мифологических химер, которые рождаются в отсутствие национальной идеологии, наполнения символов национальной гордости другим содержанием, крушения всей системы прежней государственной символики и ритуалов. Это, сопровождаясь процессом глобализации, делает указанный процесс противоречивым и мало предсказуемым. Геополитическое мифотворчество, сопровождающее процесс кризиса идентичности, порождает негативное отношение к целому ряду современных реалий.

Исследователи выделяют в процессе конструирования новой этнонациональной идентичности этноцентристскую идентичность, этнодоминирующую идентичность, этнический фанатизм, этнический нигилизм, этническую индифферентность, амбивалентность этнонациональной идентичности, государственно-гражданскую идентичность (10).

Нам видится, что это не разные феномены и, соответственно, не дихотомически разные понятия, а разные, порою не совпадающие полностью, различающиеся конкретным содержанием и наполнением, грани одного и того же сложного и противоречивого процесса.

В этом процессе критического переосмысления идентичности, а по сути, в процессе конструирования новой государственно-гражданской, личной, коллективно-групповой, этнонациональной идентичности главными объектами такого критического отношения выступают следующие объекты. Это, прежде всего, институты формальной демократии – парламентаризм, основанный на равноправном избирательном праве и свободе политической демагогии, партийных эгоизмах и непрофессионализме. Второй объект критики – космополитизм. Он, видимо, характеризует такую грань в конструировании идентичности, как этническую индифферентность и этнический нигилизм.

Опорным знаком конструирования идентичности является осмысление особого и общего пути развития. Так, для России вообще особый путь – проблема, постоянно возникающая в контексте дискуссий о России и Европе. Представления о национальной миссии, богоизбранности, обширные исторические обоснования «особого пути» имеют глубокие исторические традиции, реализация которых на практике привела, как известно, ко многим деструктивным последствиям. «Особый» путь в этнонациональном измерении как реперный знак конструирования новой идентичности еще требует своего исследования, но в целом, как представляется, имеет тяготение к таким граням идентификационного процесса, как этноцентрическая идентичность и этнодоминирующая идентичность. Такой выбор, как правило, реализуется в поиске национального лидера, ответственен перед нацией персонально, а не в силу формальных демократических процедур. Он не вправе ссылаться на ограничения, накладываемые законом, или на волю большинства. Национальный лидер подобен римскому диктатору, которому многое дано, но с которого многое и спрашивается. Он решает проблемы, а не выявляет мнения по их поводу. Он должен опережать настроения, предвидеть траекторию социальных трансформаций. Его цель – не власть сама по себе, а нация, гражданское общество.

Но история уже неоднократно показывала, что масса ищет идола, а не защитника своих интересов. Поэтому вождь масс должен применить идеологическое насилие – показать массе абсолютную истину, открытие нового мира, новой жизни, а образованным слоям – предложить сеть альтернатив, в которых совершится конвенциональный выбор и сложится национальная элита. Только тогда масса поверит в вождя, а ведущие сословия станут его партией.

В сложном и противоречивом процессе конструирования идентичности переосмыслению подлежат такие фундаментальные понятия, как концепция государства, концепция демократии, права человека и нации, концепция национальной истории, концепция власти, концепция нации. Так, русская нация состоит из великороссов, малороссов и белорусов и других субэтносов русского народа, а также обрусевших представителей иных этносов. Этнонациональная же конструкция российской государственности включает в себя русскую нацию и, как принято говорить, дружественные ей коренные народы страны. Конструирование идентичности здесь идет по линии осмысления указанной дружественности и наполнения данного понятия более современными реалиями. В то же время население, простая сумма граждан – еще не нация. Нацией можно считать ту часть населения, которая владеет наследием предков (национальным мифом), а также чувством перспективы, в которой традиция предков оживает в дееспособных формах (национально-государственная идеология). Нация – семья народов, соединенная идеей будущего и пониманием своей миссии в настоящем и будущем.

В этнонациональном измерении идентичности существенным компонентом является культ предков, в котором границы между поколениями, между живущими и умершими расплываются. В мифе принцип всеединства природы-общества сопрягает поколения людей в

непрерывную цепь, каждое поколение как бы перевоплощается в последующем, осуществляя с ним кровную связь (отсюда и особое внимание к вопросам «крови и почвы» – родовым связям и священной земле предков).

Вместе с этим происходит реструктурирование поля политики и, соответственно, политических притязаний на определенные географические пространства, т.е. поля геополитики. В ряде регионов страны в центр его стали выходить этносы, как общности, уцелевшие в период системного кризиса советского и постсоветского общества. В то время, когда другие социальные группы утратили свои «признаваемые» и «статистически повторяемые» различия, этнокультурные отличия между группами остались, и определили выход на первый план этнических групп. Интересы последних, в свою очередь, задиктовывались разными политическими и экономическими позициями (статусами) этносов, которые сформировались в предшествующие десятилетия, но существовали в латентной форме.

Актуализация этнических проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций (11). Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы национальной идентичности. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность. Проблема идентификации и самоидентификации особенно актуальна для такой полиэтнической страны как Россия.

Сложность общецивилизационной характеристики России в том, что она представляет собой «мир миров», охватывающий своими политическими и историческими границами сотни этносов, которые не просто соседствуют друг с другом, а веками сосуществуют вместе, и это их совместное сосуществование является условием сохранения каждого из них и условием целостности России. При этом в иерархии российских народов особое место занимает русский этнос и его культура. Для страны подобной России не может быть единой универсальной формулы перехода к прогрессивным формам социальной жизни. Развитие по единой схеме для России означает принудительное выравнивание условий. Необходима модель интегрального развития народов, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на специфические условия, несовпадающие традиции и обстоятельства. Такая модель позволит выявить реальные основы союза «равно-разных» народов России. Правда, её «построение» возможно только в принципиально новой системе координат научного поиска, через новые методологические подходы, через введение новых понятий и категорий.

Однако в мировой и отечественной теории и практике продолжают сохраняться представления о «естественном процессе угасания этничности». Можно констатировать, что «этнический ренессанс» как одно из самых ярких явлений современного мира, пока социальной философией игнорируется. «Этническая революция» оказалась сюрпризом для многих исследователей, которые были

уверены, что этничность – явление временное и исчезающее. Действительность оставила далеко позади современную теорию и практику, значительно опередила философско-методологические возможности её исследования. В результате многие объяснительные модели этнического развития, концептуальные подходы, направленные на понимание и раскрытие особенностей этногенеза, идеологические доктрины и политические решения потеряли свою эффективность. Об этом свидетельствует введение в научный оборот большого числа новых понятий, категориальный статус которых чётко не определён.

С понятием «этническое пространство» сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, оно стало практически общеупотребимым и широко используется в публицистике, журналистике, выступлениях политиков, к нему обращаются представители разных гуманитарных наук. С другой стороны, его нет в словарях и справочных изданиях, его нельзя встретить в учебных пособиях, нет работ, посвящённых анализу данного понятия, не определён его категориальный статус. Многозначность трактовки «этнического пространства» требует самостоятельного рассмотрения его существа, а нарастающая частота использования термина подтверждает практическую потребность в этом.

За всеми этими методологическими трансформациями просматриваются определённые тенденции. Во-первых, стремление вывести этническую историю из подчинения социальной и, следовательно, определить её роль и место в макроэволюционном процессе. Во-вторых, тяготение к принципиально новым характеристикам этноса как определённой целостности. Сегодня присутствует острая необходимость в формировании такой методологии исследования, которая способна эксплицировать внутренний порядок и закономерности развития этноса как самоорганизующейся многомерной целостности.

Таковы некоторые результаты исследования геополитического мироощущения в виде геополитического мировоззрения, геополитической мироориентации, основанной на формировании этнонациональной идентичности

Примечания:

1. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – М., 2003. – С.198.
2. См.: Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С.213-244; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003; Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. – М.:РФО. – Майкоп, 2005. – С. 74-86; Кара-Мурза А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998; Скворцов Л.В. Самоидентификация России: проблемы теории // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 1. – М., 2005 и др.
3. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С. 244.
4. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Материалы Международного научно-практического симпозиума «Права

- человека и проблемы идентичности в России и современном мире». – СПб., 2004. – С. 23.
5. См.: Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб., 2004; Петров В.Л. Геополитика России (Возрождение или гибель?). – М., 2003; Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. – 2003. – №10; Васильцов С. Российский менталитет в поисках геополитической идентичности // Обозреватель. – №7; Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. – М., 2002 и др.
 6. См.: Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. – 1999. – №5. – С.6-24.
 7. См.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск, 1999.
 8. См.: Замятин Д.Н. Геополитика: основные закономерности и итоги развития в XX веке // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Отв. ред. вып. М.В. Ильин. – М., 2001.
 9. См.: Эрикссон Э. Идентичность: юность или кризис. – М., 1996.
 10. Тавадов Г.Т. Этнология. – М., 2004. – С. 229-231 и др.
 11. См.: Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. – М., 1999.; Неклесса А.И. Россия в новой системе координат – цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. Ред. Б.С. Ерасов. – М., 1996; Неклесса А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации. – М., 2001; Чешков М. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности. – М., 1999; Буянов В.С. Некоторые теоретико-методологические проблемы глобализации // Глобализация: сущность, проблемы, перспективы. – М., 2001; Делокаров К.Х. Глобализация и проблемы устойчивости современного мира // Глобализация и философия. – М., 2001 и др.